

Изъ дневника сотрудника Тобольской центральной миссіи, священника Іоанна Купцова, за 1907 и 1908 года.

Въ семь 1908 году мое сотрудничество въ Тобольской центральной миссіи продолжалось такъ же мирно, спокойно и безо всякихъ приключеній, какъ и въ предыдущіе годы, начиная съ 1904 года. Оно заключалось въ проповѣдываніи Слова Божія среди магометанъ на ихъ родномъ языкѣ, какъ устно, такъ и посредствомъ чтенія книжекъ и брошюрокъ религіозно-правственнаго содержанія, изданныхъ на парѣчи татаръ Тобольской и Казанской губерній. Чтеніе подобныхъ книгъ, а также и устная проповѣдь велись мною у себя дома, въ домахъ своихъ прихожанъ во время встрѣчи съ татарами, по возможности, и въ ихъ юртахъ. Зная, что татарамъ чтеніе религіозно-правственныхъ книгъ на ихъ языкѣ нравится, я, отлучаясь изъ дома куда бы то ни было, запасался на всякій случай необходимыми книгами, могущими служить мнѣ пособіемъ въ бесѣдахъ о предметахъ вѣры. Такимъ образомъ при разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ сообщено татарамъ: 1, о пагубности для души нетрезвой и разгульной жизни, 2, о томъ, что не нужно откладывать крещеніе, 3, о небожественности Кораца, 4, наставленіе христіанское Св. Тихона, 5, о старо-крещенныхъ татарахъ Волжско-Камскаго края, 6, о превосходствѣ христіанскихъ молитвъ предъ магометанскими, 7, 1-я глава отъ Ев. Марка. 8, о наименованіи Пресв. Дѣвы Маріи Богородицей, 9, о грѣхопаденіи первыхъ людей, первородномъ грѣхѣ и обѣщаніи Спасителя, 10, о искупленіи рода человѣческаго, 11, о значеніи именъ: Христось, Спаситель и Сынъ Божій, 12, объ Истинномъ Тріединомъ Богѣ, 13, о чудесахъ Христовыхъ и бывшихъ отъ св. иконъ, 14, о томъ, что почитаніе иконъ установлено Самимъ Богомъ, 15, о томъ, до чего доводитъ пьянство и проч.

Незнакомые татары, вступая со мною въ бесѣду, обыкновенно спрашивали о моей личности и цѣли пріѣзда въ Сибирь. Многимъ изъ нихъ уже извѣстно о существованіи въ Тобольской епархіи подобныхъ мнѣ лицъ и о ихъ враждебномъ отношеніи къ Исламу. „Появленіе въ нашей мѣстности въ сихъ послѣднихъ годахъ миссіонеровъ, объявлялъ мнѣ татаринъ изъ юртъ Тоболь-Турин-

скихъ, разбудило многихъ нашихъ мулъ отъ безпечной спячки и заставило ихъ быть на стражѣ у своей паствы. Это намъ въ пользу: раньше насъ никто не училъ и ни въ чемъ не предострегалъ, теперь же мулы наши взялись за дѣло.“

Дѣйствительно, неразвитость здѣшнихъ татаръ проглядываетъ во всемъ, особенно въ знаніи догматовъ своей вѣры. Въ бесѣдахъ о религіи большинство изъ нихъ молчитъ, ссылаясь на свою неученость и неграмотность. Самымъ лучшимъ способомъ для проповѣдыванія Слова Божія между ними является чтеніе на ихъ языкѣ книгъ религіозно нравственнаго содержанія. Но только при этомъ необходимо съ умѣніемъ выбирать подходящія по содержанию мѣста; въ противномъ-же случаѣ можно сразу отбить желаніе татаръ къ дальнѣйшему слушанію Слова Божія. На своей практикѣ въ семь году я имѣлъ два такихъ случая, что татары, по прочтеніи мною двухъ, трехъ начальныхъ страницъ изъ автобіографіи ученаго Имадедина, обратившагося въ христіанство, гдѣ встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее непріятное для татаръ выраженіе: „Пишущій эти строки перешелъ 29 апрѣля 1866 г. въ христіанство, побужденный къ этому шагу единственно желаніемъ пріобрѣсти спасеніе души,“ отказываясь слушать дальше, говорили: „будетъ, не читай, намъ долго слушать некогда.“ Въ силу чего я долженъ былъ прекращать только что начатое чтеніе.

21-го Декабря я ѣздилъ за сборомъ. Въ деревнѣ Симоновой, въ домѣ крестьянина Ивана Лаврентіева Симонова засталъ играющую на скрипкѣ татарина изъ юртъ Ипанчинскихъ, Тоб. у., по имени Тимеръ, (по русски-Тимошей). По моемъ входѣ, онъ прекратилъ игру. Я едва успѣлъ перекреститься по христіанскому обычаю, какъ Тимеръ, приподнявшись, заговорилъ со мною по-татарски: „Мулла, мулла, вотъ я человекъ очень грѣшный, не могу отстать отъ чертовскихъ забавъ—игры на скрипкѣ, соединенной съ пьянствомъ, разными пѣснями, пляской и руганью во всѣхъ видахъ.“

—Если имѣніе скрипки служитъ для тебя соблазномъ, то я совѣтую тебѣ, Тимеръ, оставить скрипку навсегда и не имѣть общенія съ пьяными, между которыми всегда бываютъ различные соблазны, отвѣтилъ я ему.

—„Я, мулла, уже всякія мѣры принималъ, но только пользы отъ нихъ не видалъ. Нѣсколько разъ бросалъ я скрипку свою на полъ и разбивалъ ее въ щепки, топча ногами. Пройдетъ мѣсяць, другой, скрипка опять въ моихъ объятыхъ. Знаютъ меня здѣсь въ

окружности почти всѣ, какъ татары, такъ и русскіе. Заведется гдѣ-нибудь пиръ или какая-нибудь свадьба, первымъ долгомъ ѣдутъ за мной, какъ къ музыканту. Ну, и не устоишь, чтобъ не удовлетворить неотступной просьбы ихъ. И такъ примешься опять за прежнее безуміе,“ продолжалъ онъ. Желая помочь Тимеру избавиться отъ такой немощи его, я долго объяснялъ ему пагубность для души разгульной жизни, что онъ выслушалъ со вниманіемъ и далъ обѣщаніе окончательно измѣнить свой образъ жизни. Впослѣдствіи, по моей просьбѣ, онъ нѣсколько разъ заходилъ въ мою квартиру, но, къ сожалѣнію, всегда во время моего отсутствія.

23-го Февраля пришелъ ко мнѣ татаринъ изъ Тарскаго уѣзда, юртъ Усть-Ишимскихъ, по имени Альмухаметь Мавлитовъ, среднихъ лѣтъ и, объяснивъ вкратцѣ, кто онъ, изъявилъ рѣшительное желаніе присоединиться къ православной христіанской вѣрѣ. При этомъ вручилъ онъ мнѣ свой годовой паспортъ, выданный Саргатскимъ инородн. вол. правленіемъ, Тар. у. отъ 1-го февраля 1908 г. за № 5-мъ. На мой вопросъ—что его заставляетъ перейти въ христіанство—онъ отвѣтилъ, что ему Исламъ не по душѣ, а правится ему вѣра русская,—христіанская, и что онъ, живя между русскими съ малыхъ лѣтъ, привыкъ къ русской вѣрѣ и удостоившись въ превосходствѣ ея предъ Исламомъ. Затѣмъ добавилъ, что онъ желаетъ окреститься сейчасъ-же. Я, объяснивъ ему все то, что необходимо предъ крещеніемъ, какъ то, разрѣшеніе Епархіальнаго Начальства, отношеніе волостного Правленія о личности и неимѣніи препятствій къ крещенію и проч., просилъ его быть пока въ оглашеніи у меня. Сначала Мавлитовъ на это не соглашался, говоря, что это дѣло должно протянуться очень долго, а между тѣмъ ему и его товарищу содержаться здѣсь не на чемъ, денегъ нѣтъ, а также и работы не находится. Когда-же я обѣщался содержать ихъ обоихъ пока на свой счетъ, онъ согласился и, уходя, оставилъ паспортъ свой у меня для отсылки вмѣстѣ съ прошеніемъ къ Епархіальному Начальству.

Въ 6 часовъ вечера явился ко мнѣ его товарищъ—новокрещенный Миронъ. Входя въ комнату, онъ по христіанскому обычаю перекрестился и подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе. Въ разговорѣ со мной Миронъ жаловался на свою тяжелую участь, которую приходится ему терпѣть послѣ принятія крещенія. Преслѣдуемый своими сородичами онъ, какъ неприписанный ни къ какому обществу и неимѣющій поддержки ни съ какой стороны, обреченъ скитаться вездѣ, снискивая себѣ пропитаніе. Какъ пересаженные деревья нуждаются въ поливкѣ, вообще въ уходѣ за ними, такъ и

новокрещенный Миронъ крайне нуждается въ устройствѣ его жизни и утвержденіи въ истинахъ христіанской вѣры. Испытывалъ я его въ знаніи необходимыхъ молитвъ. Объяснялъ на родномъ языкѣ содержаніе молитвы Господней и сѣмвола вѣры. Просилъ его почаще бывать у исповѣди и св. Причастія, а также какъ можно чаще посѣщать храмъ Божій. Замѣтивъ склонность Мирона къ нетрезвой жизни, я сказалъ нѣсколько словъ о вредѣ и пагубности для души и тѣла употребленія спиртныхъ напитковъ и о пользѣ трудолюбія. Напившись чаю, Миронъ ушелъ искать себѣ квартиру.

Черезъ двѣ-три минуты, по выходѣ Мирона, является вторично Мавлитовъ и проситъ 50 коп. денегъ заплатить за квартиру и на прочіе расходы, что я оставилъ безъ удовлетворенія, давъ слово расплатиться за нихъ за хлѣбы самъ лично. Мавлитовъ ушелъ; было 8 часовъ вечера.

На другой день является ко мнѣ Волостной засѣдатель и требуетъ паспортъ Альмухамета Мавлитова. Оказалось, что Альмухамета съ Мирономъ арестовали, признавъ за конокрадовъ. Одни говорили, что ихъ избили и арестовали безъ вины, другіе же утверждали, что ихъ взяли на дворѣ у лошадей. Я считалъ нужнымъ посѣтить заключенныхъ. Черезъ два дня прихожу къ нимъ, сидѣвшимъ въ „каталажкѣ“ при Волостномъ Правленіи, и спрашиваю о случившемся. Они, признавая себя избитыми и арестованными безвинно, рассказали мнѣ слѣдующее: вчера вечеромъ, когда мы шли отъ васъ въ свою квартиру, на улицѣ встрѣтила насъ толпа пьяныхъ парней. Изъ нихъ нѣкоторые привязались къ намъ съ расспросами: кто мы такіе, да зачѣмъ ночью ходимъ и проч. Когда же мы отвѣтили, что были у о. Іоанна и идемъ въ свою квартиру, они болѣе разъярились, схватили насъ и стали беспощадно бить кто какъ могъ¹⁾; мы же кое-какъ вырвались, убѣжали отъ нихъ въ Волостное Правленіе, которое было не далеко отъ насъ, и заявили о случившемся. Народъ ворвался за нами въ правленіе и наговорилъ на насъ всякую неправду, въ виду чего насъ оставили здѣсь до разбирательства дѣла“.

— А ты не отмѣнилъ еще намѣреніе свое креститься? Спросилъ я Мавлитова.

---

¹⁾ Незадолго передъ тѣмъ въ селѣ было два случая кражи: въ первый разъ похитили лошадь съ упряжью у меня, во второй разъ—пару лошадей тоже съ упряжью у того самаго крестьянина, передъ домомъ котораго встрѣтились пьяные парни съ Мирономъ и Мавлитовымъ. За годъ до этого похитили пару лошадей съ упр. у другого священника А. Александровскаго. Все это вмѣстѣ взятое озлобляетъ мирныхъ жителей въ подобныхъ подозрительныхъ случаяхъ.

— „Пока откладываю это дѣло до болѣе удобнаго времени, такъ какъ пока не извѣстно, чѣмъ кончится наше дѣло“, отвѣтилъ онъ, уклоняясь отъ крещенія.

— Если ты Альмухаметь, дѣйствительно желаешь быть спасеннымъ на томъ свѣтѣ, то крещеніе тебѣ не слѣдуетъ откладывать, во первыхъ потому, что безъ крещенія невозможно быть въ раю, во вторыхъ потому, что намъ неизвѣстно—когда мы умремъ. Хорошо, если ты успѣешь окреститься до твоей смерти, а что будетъ твоей душѣ тогда, когда ты умрешь случайно, скоропостижно, безъ принятія крещенія, а какъ мы умремъ, намъ тоже неизвѣстно. У насъ въ Евангеліи сказано: „Если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе (Іоан. 3, 5). Это выраженіе въ Евангеліи прямо указываетъ на крещеніе, которое необходимо для всѣхъ, кто ищетъ спасенія. Еще сказано слѣдующее: „Вѣрующій въ Сына Божія имѣетъ жизнь вѣчную, а невѣрующій въ Него не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. 4, 36). Выслушавъ меня, Альмухаметь далъ мнѣ слово прійти ко мнѣ для принятія крещенія, если освободятъ ихъ, оставивъ дѣло это безъ послѣдствій. Этимъ и закончилось мое дѣло съ Альмухаметомъ Мавлитовымъ. Вскорѣ увезли ихъ къ Мировому Судьѣ. Чѣмъ кончилось ихъ дѣло—мнѣ неизвѣстно, и Мавлитовъ ко мнѣ больше не являлся.

17 марта, въ 6 ч. вечера пріѣхалъ ко мнѣ изъ Байгаринскихъ юртъ указной мулла. Привезъ съ собою разныя дѣловыя бумаги и просилъ меня объяснить подробнѣе содержаніе ихъ, что я исполнилъ безпрепятственно. По бумагамъ мнѣ извѣстно стало, что онъ имѣетъ двѣ жены, и одна изъ нихъ—помоложе убѣжала отъ него, вслѣдствіе чего и завязалось между ними дѣло, которое не даетъ муллѣ покоя.

Вотъ, мулла, началъ я, будь у тебя только одна жена, ты сейчасъ преспокойно сидѣлъ бы дома, а теперь изъ-за лишней жены у тебя лишняя забота, лишній расходъ и лишняя ѣзда, вдобавокъ, сколько времени теряешь напрасно. Все это лишне и несогласно съ закономъ Божіимъ.

— „Какъ несогласно,—возразилъ мулла,—имѣя двухъ женъ, я исполняю волю Божію. По нашему магометанскому закону можно имѣть женъ не только двѣ, но еще больше, смотря по состоянію. Таково велѣніе Божіе. Это открыто было людямъ черезъ пророка Мухаммеда. Самому-же Мухамеду, какъ величайшему и послѣднему пророку, Богъ дозволилъ имѣть женъ столько, сколько ему угодно, У насъ въ Коранѣ сказано все“.

— Вотъ васъ, мусульманъ, Коранъ и губить. Не понимая его, вы ему вѣрите. Вы думаете Коранъ ученіе Божіе, но, нѣтъ, ошибаетесь. Если бъ Коранъ былъ отъ Бога, то не было бы въ немъ никакихъ противорѣчій. Богъ Самъ Себѣ никогда не противорѣчитъ, а между тѣмъ въ Коранѣ масса противорѣчій и нелѣпыхъ рассказовъ, которые прямо свидѣтельствуютъ, что Коранъ—произведеніе ума человѣческаго. Въ немъ во всемъ видно полное отсутствіе истинно-божественности откровенія. Если отдѣлить отъ него все заимствованное изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта, что составляетъ почти цѣлую треть Корана, то останутся только вымыслы фантазіи Мухамеда,—басни, нелѣпости, часто самыя сумасбродныя. А вы, помня слова Мухамеда, запретившаго всякое разсужденіе о вѣрѣ изъ боязни быть обличеннымъ въ своемъ лжепророчествѣ, страшитесь и приступитесь къ Корану и не находите словъ для достойнаго выраженія своего благоговѣнія къ нему“.

Мулла: „Стой, стой, мулла, (татары тоже муллой зовутъ священниковъ) погоди хаять нашу вѣру, самъ Царь и то не хаетъ, даже далъ волю переходить въ нашу вѣру. Затѣмъ, сколько на свѣтѣ добрыхъ, ученыхъ татаръ, убѣжденныхъ въ истинности Ислама. А по твоимъ словамъ онъ совсѣмъ уничтожается. Ты, мулла, совсѣмъ неладно толкуешь. Про Коранъ такъ нельзя горорить. Онъ ниспосланъ Самимъ Богомъ, и въ немъ нѣтъ ни одного слова неправильнаго, и онъ—самая святая книга на всемъ свѣтѣ. Что сказано въ Коранѣ, все отъ Бога, и нужно исполнять его“.

— Нѣтъ, мулла, это неправда. Есть въ немъ такія изреченія, исполненіе которыхъ противно Богу и Его заповѣдямъ. Напримѣръ, по вашему въ Коранѣ Богъ говоритъ: „Отсѣкайте головы невѣрныхъ, гдѣ ихъ ни встрѣтите“. Вѣдь, тотъ же Богъ запретилъ людямъ всякое убійство, давъ заповѣдь черезъ пророка Моисея. Выходитъ, что одинъ и тотъ же Богъ то велитъ убивать, то запрещаетъ. Двѣ заповѣди противныя другъ другу, у Бога не могутъ быть, а потому одна изъ нихъ не отъ Бога. Разъ Богъ убійство запретилъ народу черезъ Моисея, то другой разъ Онъ повелѣвать не будетъ. Значитъ, заповѣдь въ Коранѣ, повелѣвающая отсѣкать головы невѣрныхъ, не отъ Бога, и исполненіе ея дѣло не святое. А ты, мулла, утверждаешь, что въ Коранѣ все отъ Бога и все свято“.

— „Ну, ну, Иванъ, будетъ тебѣ про Коранъ говорить и издѣваться надъ нимъ. Вѣдь, вашъ законъ тоже дозволяетъ убивать. Напримѣръ присудивъ кого-либо къ смертной казни, вѣшаютъ его, или застрѣливаютъ и такимъ образомъ поступаютъ противъ заповѣди Божіей.“

— Тутъ, мулла, дѣло другого рода. Наказывать преступниковъ, смотря по ихъ дѣламъ, смертною казною—дѣло согласное съ волей Божіей. Неисправимыхъ людей караетъ и Богъ. Наказалъ Онъ развращенный народъ всемірнымъ потопомъ, наказалъ также и нечестивыхъ Содомлянъ и Гомморянъ, ниспославъ съ неба огонь, наказалъ нѣсколько разъ и Египтянъ; это все еще наказаніе общее, очень много найдется примѣровъ наказанія и отдѣльныхъ лицъ. По нашему закону приступаютъ къ смертной казни только въ крайнихъ случаяхъ, когда нѣтъ никакой возможности сохранить жизнь человѣка—преступника, а по Корану вы должны убивать людей вовсе невинныхъ, только за одно невѣріе въ Мухамеда. Понравится-ли тебѣ, мулла, тебя убіетъ христіанинъ за то, что ты не вѣруешь во Христа? Мулла молча улыбался. Не головы нужно отсѣкать въ подобныхъ случаяхъ, а нужно доказывать истинность вѣры, слѣдовательно ,требуется разсужденіе. А всякое разсужденіе о магометанской вѣрѣ по Корану воспрещено. Изъ этого выходитъ, что человѣкъ долженъ увѣровать въ Мухамеда не по убѣжденію, а подъ страхомъ смерти. Это—принужденіе, которое противно самому же Корану. Во 2 главѣ, 257 стихѣ сказано: „въ религіи нѣтъ принужденія“. Укажу въ Коранѣ еще на одну явную ложь, которая свидѣтельствуется небожественность Корана. Въ 19 гл. 29 ст. Пресвятая Дѣва Марія пазывается сестрою Аарона, брата Моисея, который жилъ за 1500 лѣтъ до Пр. Дѣвы Маріи. Не было у Пр. Дѣвы Маріи ни братьевъ, ни сестеръ; она была единственная дочь праведныхъ родителей Іоакима и Анны, выпрошенная у Бога. Хотя у Аарона была сестра Маріамна, но въ данномъ случаѣ (въ 19 гл. Кор.) идетъ рѣчь не о Маріамнѣ, а о зачатіи Пр. Дѣвою Маріею отъ Св. Духа и о рожденіи Ею сына Іисуса. Мнѣ кажется теперь, мулла, достаточно, чтобы понять всю глупость мусульманскаго откровенія. Если тебѣ кажется все еще мало приведенныхъ объясненій для того, чтобы быть убѣжденнымъ въ ложности Корана, то я могу и готовъ указать еще на нѣкоторыя неправильности въ Коранѣ. Если по вашему Коранъ отъ Бога, то почему въ немъ допущены противорѣчія, ложности и разныя нелѣпости? Мой мулла, сидѣвшій все время молча, въ недоумѣніи, разомъ поднялся съ мѣста, посмотрѣлъ на часы и, торопливо одѣваясь, говоритъ: „Ну Иванъ, я теперь у Васъ больше сидѣть не могу: поздно, 10 часовъ ужъ вечера, нужно проѣхать мнѣ 20 верстъ, засидѣлся, въ разговорахъ время прошло очень скоро. Если поѣдешь въ городъ, заѣзжай ко мнѣ въ гости, а пока до свиданья“.

1-апрѣля зашелъ ко мнѣ татаринъ среднихъ лѣтъ изъ Баишевскихъ юртъ и спрашивалъ, нѣтъ ли у насъ льна продажнаго. От-

казавъ ему въ продажѣ, я завязалъ съ нимъ разговоръ на татарскомъ языкѣ о житейскихъ дѣлахъ. Видя, что я съ нимъ говорю очень свободно на ихъ языкѣ, онъ спрашиваетъ: „Навѣрное ты, мулла, и читать можешь по нашему?“

Знаю немного, отвѣтилъ я ему и немедленно досталъ книжку на тат. яз. „Наставленіе Христіанское Святаго Тихона“ и прочиталъ подрядъ нѣсколько страницъ. Ему это очень понравилось. Выходя изъ комнаты, онъ выразилъ сожалѣніе, что не имѣетъ возможности слушать дальше. Я со своей стороны просилъ его побывать у меня другой разъ, на досугѣ. На что онъ отвѣтилъ: „хорошо, хорошо приду“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

**Изъ дневника сотрудника Тобольской центральной миссіи,
священника Іоанна Купцова, за 1907 и 1908 г. *).**

26-го апрѣля, Курманъ изъ Кильмаметовскихъ юртъ принесъ къ намъ рыбы продавать. Я торговался съ нимъ все время по татарски, что вызвало въ немъ охоту побесѣдовать со мною. Заинтересованный моимъ знаніемъ ихъ языка, онъ спрашиваетъ: „Ты, мулла, мастеръ по нашему говорить, гдѣ научился? Мы никогда не видали и не слыхали, чтобъ когда-либо попы говорили съ нами по нашему такъ, какъ ты говоришь“.

— Я, Курманъ, принадлежу по своему происхожденію къ числу тѣхъ Казанскихъ татаръ, которые, болѣе 350 лѣтъ тому назадъ, бросили магометанскую вѣру и перешли въ христіанскую цѣлыми селеніями, и которые, живя въ христіанской вѣрѣ, по сіе время продолжаютъ говорить по-татарски. Мечети они уничтожили, а выстроили церкви, и въ этихъ церквахъ служба совершается на понятномъ для нихъ природномъ татарскомъ языкѣ. У нихъ и попы, и діаконы, и псаломщики, и учителя—всѣ изъ татаръ, какъ я. Въмѣсто непонятныхъ намазовъ они употребляютъ теперь христіанскія молитвы, пе-

---

¹⁾ Дѣло архива Тоб. консисторіи 1777 г. № 107. О бытіи іеромонаху Евменію во управленіи Тюменскимъ монастыремъ до настоящаго настоятеля.

*) См. № 17 „Тоб. Епарх. Вѣд.“ за 1911 г.

реведенныя на ихъ языкъ. Ваши намазы составлены на арабскомъ языкѣ, котораго вы не понимаете, а потому и знать не можете, о чемъ молитесь. Неизвѣстно вамъ даже и то, просите-ли вы чего у Бога или благодарите Его за что-нибудь. Вотъ ты, Курманъ, прочитай сейчасъ для примѣра какую-нибудь вашу молитву и объясни—изъ чего она состоитъ.

— „Я, мулла, сейчасъ не могу, не совершивши омовенія“, послѣдовалъ отвѣтъ.

— А какое тутъ препятствіе, что ты не умытый, вѣдь, ты сейчасъ не будешь молиться Богу, а произнесешь молитву только для примѣра, и за это тебѣ не будетъ никакого грѣха. Наконецъ, мой Курманъ пробормоталъ что-то, чего я не могъ понять.—„Ну, вотъ, теперь ты скажи мнѣ то же самое по-татарски, другими словами“, добавилъ я.

— „Я—неученый, неграмотный, переведу неладно. Муллы наши ученые и могутъ перевести правильно“.

— Понимаешь ли ты самъ, Курманъ, въ этой молитвѣ хотя что-нибудь? „—Понимаю“. —Ну, скажи мнѣ, что ты дѣлаешь въ этой молитвѣ—просишь у Бога или благодаришь Его за что-нибудь?“ Курманъ молчалъ, не зная что отвѣтить. Тогда я предложилъ ему выслушать христіанскія молитвы на татарскомъ языкѣ. Прочитавъ наизусть нѣсколько молитвъ, а именно: молитвы предъ принятіемъ пищи и по принятіи оной, утреннія и вечернія, какъ то: „Къ Тебѣ, Владыко, Человѣколюбче,“ „Господи Боже Нашъ, еже согрѣшихъ“..., спрашивалъ послѣ каждой молитвы—нравится-ли ему, нѣтъ-ли чего непонятнаго и давалъ въ трудныхъ для понятія мѣстахъ подробныя объясненія. Курману эти молитвы наши очень понравились. Отъ разговора я перешелъ къ чтенію на татарскомъ языкѣ, для чего досталъ Евангеліе и прочиталъ первую главу отъ Марка. Курманъ ушелъ отъ насъ очень довольнымъ.

8 и 9-го мая въ деревнѣ Ярковой бываетъ съѣзжій праздникъ, по случаю чего Ярковцы приносятъ изъ храма иконы и просятъ причтъ отслужить молебны, какъ на поляхъ, такъ и въ домахъ своихъ. Будучи въ этой деревнѣ, я замѣтилъ на улицѣ много татаръ, прибывшихъ сюда изъ сосѣднихъ юртъ, повидимому, по случаю праздника-же. Во мнѣ явилось желаніе—какъ бы сообщить имъ что-нибудь изъ религіи христіанской. Подъ вечеръ, выбравъ свободное время, я присѣлъ къ мужикамъ, сидѣвшимъ отъ нечего дѣлать на улицѣ у воротъ нашей квартиры и мирно бесѣдовавшимъ о чемъ-то. Незамѣтнымъ образомъ присоединились къ намъ и нѣкоторые татары, съ которыми я шутя началъ говорить по-татарски, что возбудило въ нихъ любопытство къ дальнѣйшимъ разговорамъ. Одинъ

за другимъ стали они присаживаться ко мнѣ поближе, и такимъ образомъ образовалось предо мною полукружіе, состоящее только изъ однихъ татаръ. Русскіе тоже интересовались моимъ разговоромъ съ татарами на ихъ языкѣ. Изъ пустыхъ обычныхъ разговоровъ татары сами перешли къ религіознымъ вопросамъ, спрашивая: „Зачѣмъ вы Марію называете Богородицей? Развѣ до Ея рожденія не было Бога? Развѣ Богъ съ женой живетъ, что у Него есть Сынъ? Не оскрбленіе-ли для Бога то, что вы человѣка Іисуса называете Богомъ?“

Я имъ отвѣчалъ такъ: „Пресвятую Дѣву Марію мы называемъ Богородицей потому, что родившійся отъ нея былъ Самъ Богъ.— „Развѣ человѣкъ можетъ быть Богомъ,“ прервали меня татары, смѣясь.

— Человѣкъ, понятно, не можетъ быть Богомъ, продолжалъ я, но Всемогущій Богъ по своему желанію можетъ явиться въ образѣ человѣка, — „Богъ не имѣетъ нужды ни въ чемъ, что-же заставило Его сдѣлаться человѣкомъ? Неужели Онъ не могъ обойтись иначе? Вѣдь только стоитъ пожелать Богу, и все будетъ по Его желанію“.

— „Богъ сдѣлался человѣкомъ не потому, что Онъ нуждался въ чемъ либо, но по безконечной любви своей къ падшему роду человѣческому. Сотворивъ первыхъ людей Адама и Еву, Богъ ввелъ ихъ въ рай, т. е. въ прекрасный садъ, насажденный Самимъ Богомъ, и далъ имъ въ пищу плоды со всѣхъ деревьевъ райскихъ, кромѣ одного, плоды котораго запрещено были ѣсть подъ страхомъ смерти. Адамъ и Ева, прельщенные діаволомъ, преступили эту заповѣдь Божию и черезъ это впали въ грѣхъ, проклятіе и смерть, и были выгнаны изъ рая. Лишившись такимъ образомъ блаженной жизни райской, Адамъ и Ева очутились во власти діавола, а съ ними и весь родъ человѣческій. Какъ отъ зараженнаго источника естественно течетъ зараженный потокъ, такъ и отъ Адама и Евы, зараженныхъ грѣхомъ, рождаются зараженные грѣхомъ люди. Для того, чтобы избавиться отъ власти діавола, заслужить прощеніе первороднаго грѣха и возвратить потерянный рай, отъ людей требовалось совершеніе самыхъ величайшихъ подвиговъ, какихъ, кромѣ Бога, никто изъ людей не въ состояніи былъ выполнить. Вслѣдствіе чего Богъ по безконечной любви своей къ падшему роду человѣческому Самъ сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ, состоящимъ изъ души и тѣла, не переставая въ то же время быть Богомъ, и совершилъ на землѣ искупленіе рода человѣческаго отъ грѣха, проклятія и смерти. Пр. Дѣву Марію достойно называемъ Богородицей потому, что родившійся отъ Нея въ самомъ зачатіи и рожденіи былъ, какъ и всегда есть,

истинный Богъ. Она родила Богочеловѣка, нареченнаго Иисусомъ, Онъ же и Христосъ. Имя Христосъ значитъ помазанникъ. Помазанниками называютъ людей, получившихъ Дары Святаго Духа чрезъ помазаніе священнымъ муромъ. Въ древности помазанниками были цари, пророки, первосвященники. Иисуса же назвали этимъ именемъ на томъ основаніи, что Его челоуѣчеству безмѣрно сообщены всѣ дары Духа Святаго: и вѣдѣніе пророка, и могущество царя, и святость первосвященника — не было въ Немъ ни одного грѣха. Христомъ названъ былъ Онъ еще пророками, когда ожидали Его пришествія на землю. Въ это время къ числу моихъ собесѣдниковъ присоединились татары, уже потерявшіе равновѣсіе, и помѣшали нашей бесѣдѣ съ своими бессмысленными выраженіями, соединенными безцензурными словами. Слушатели мои гнали ихъ отъ себя, ругали за безобразіе, стыдили, просили и добрыми словами удалиться, но они не унимались. Видя невозможность и неумѣстность веденія бесѣды при такихъ обстоятельствахъ, я счелъ нужнымъ оставить ихъ, тѣмъ болѣе, что и время уже было позднее, и не разъ приходили за мной хозяйскія дѣти звать ужинать. „Спасибо, тебѣ, мулла, что изволилъ побесѣдовать съ нами!“ — кричали татары за мной вслѣдъ.

26 іюня, въ приходской деревнѣ Криванковой, въ домѣ крестьянина Іакова Тимоееева Долгушина встрѣтилъ я татарина, съ которымъ вскорѣ завязался у насъ разговоръ на тат. языкѣ. Познакомивъ его съ своею личностью, я перешелъ къ чтенію книжекъ на тат. языкѣ, взятыхъ мною на всякій случай. Прочитаны были мною тогда по кн. „Первоначальн. свѣдѣн. о православной христіанской вѣрѣ“ главы 2, 3 и 4-я, въ которыхъ сообщается: объ истинномъ Богѣ и троичности Его, о сотвореніи міра, грѣхопаденіи первыхъ людей, обѣщаніи Спасителя и пришествіи Его на землю и о томъ, какъ Онъ жилъ на землѣ и чему училъ людей. Чтеніе татарину очень понравилось, что видно было изъ слѣдующихъ словъ его: „ты читаешь очень понятно, наши муллы такъ не могутъ читать“.

30 іюля заѣхалъ ко мнѣ чай пить мой знакомый „Няска“ изъ Кобякскихъ юрть. Приѣхалъ онъ въ Бегишево за виномъ для тайной продажи татарамъ въ юртахъ. Говорили мы съ нимъ сперва о томъ, какъ употребляется вино русскими и татарами. На мой вопросъ — развѣ въ юртахъ можно торговать виномъ — онъ мнѣ отвѣтилъ: „Можно, только осторожно. Если мулла узнаетъ объ этомъ, то ругаетъ здорово, но мы дѣлаемъ такъ, что что мулла не замѣчаетъ насъ“. — А мулла вашъ самъ пьетъ? спросилъ я его. — „Нѣтъ, наши муллы не пьютъ“, отвѣтилъ мой Няска, смѣясь. Муллы ваши почти всѣ пьютъ, возразилъ я, но только тоже такъ дѣлаютъ, какъ и вы. Въ общемъ, выходитъ, что вы, татары, почти всѣ пьете,

только боитесь быть замѣченными муллою, а мулла—вами. Мой Няскя, подтвердивъ сказанное, расхохотался и сказалъ нѣсколько словъ въ осужденіе татаръ. Я тѣмъ временемъ досталъ брошюрку на тат. языкѣ о томъ, „до чего доводитъ пьянство“ и прочиталъ. Это ему очень поправилось. Затѣмъ прочитаны были по книжкѣ „училище благочестія“ нѣкоторыя статейки о силѣ крестнаго знаменія и о томъ, что почитаніе иконъ установлено Самимъ Богомъ; все это вызвало въ немъ удивленіе.
